

Галочкина Татьяна Анатольевна

**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ СЛОВАМИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД
ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЕЙ *LEIP И *TELP/TALP**

Тема посвящена специфике семантических связей между словами этимологических гнезд индоевропейских корней *leip и *telp/talp. Целью статьи является раскрытие родственных связей некоторых слов гнезда корня *telp/talp и гнезда корня *leip. Для достижения этой цели в исследовании семантических связей слов указанных гнезд нами использовались концептуальные метафоры. Их применение позволило обосновать необходимость включения ряда слов этимологического гнезда корня *telp/talp в семантические поля этимологического гнезда корня *leip.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 89-93. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

NEW TRENDS IN ORTHOGRAPHY OF THE FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES

Galeeva Gul'nara Irekovna
Kononenko Marina Vadimovna
Kazan (Volga region) Federal University
bashiramama@mail.ru; maristelle@mail.ru

In the article the attempt to study the new trends in the orthography of the French and Russian languages is made. The new rules for spelling that penetrate progressively into everyday life are considered. The object of the research is the written speech. The authors focus on the fact that the language is an indicator of the changes that are taking place in the modern world, and the new trends in the orthography certainly contribute to easing communication. The change in the spelling of words is influenced by many different social factors. The new spelling is a deep fundamental study. In the languages the processes of heterogeneous writing of words and expressions with the help of modified writing system are observed. For understanding French words, their Russian translation is given.

Key words and phrases: orthography; word; morpheme; ending; root; spelling; pronunciation; ease of understanding; simplification of spelling; letter; sound; diacritical icons; etymological principle; phonetic principle; morphological principle; traditional principle.

УДК 81-139

*Тема посвящена специфике семантических связей между словами этимологических гнезд индоевропейских корней *leip и *telp/talp. Целью статьи является раскрытие родственных связей некоторых слов гнезда корня *telp/talp и гнезда корня *leip. Для достижения этой цели в исследовании семантических связей слов указанных гнезд нами использовались концептуальные метафоры. Их применение позволило обосновать необходимость включения ряда слов этимологического гнезда корня *telp/talp в семантические поля этимологического гнезда корня *leip.*

Ключевые слова и фразы: концептуальная метафора; этимологическое гнездо; родственные связи слов; семантическое поле; редупликация; омонимия.

Галочкина Татьяна Анатольевна

*Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова
Министерства здравоохранения Российской Федерации
tgalochkina27@gmail.com*

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ СЛОВАМИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЕЙ *LEIP И *TELP/TALP

Введение

В связи с непрерывным развитием языка и увеличением числа его носителей возникают определенные трудности в обеспечении качества общения между людьми. Недостаточное знание лексических значений употребляемых слов может послужить препятствием для четкого понимания друг друга. Это становится особенно заметным при восприятии текста, в котором встречаются незнакомые слова.

Для обеспечения взаимопонимания людей при их общении используются различные приемы изучения лексики, в том числе ее представления в виде системы этимологических гнезд и семантических полей. Целесообразность такого подхода к изучению лексической системы обусловлена тем, что каждое слово имеет свою семантическую историю и родственные связи с рядом других слов. В полной мере значение отдельного слова раскрывается лишь в том случае, если известны значения других слов, объединенных с ним в одно семантическое поле.

Необходимость генерализации семантических связей стала особенно остро ощущаться при решении задач машинного перевода и построения моделей «смысл – текст».

Более глубокие семантические связи между словами из разных полей можно выявить с помощью метафоры, которая раскрывает источник формирования понятия слова и отражает концептуальные отношения не только между предметами и явлениями, но также понятиями. Благодаря мышлению человек способен оперировать абстрактными понятиями и на основе видения концептуальных связей между ними формулировать их в виде метафоры.

Профессор Л. В. Балашова пишет, что «метафора была признана одним из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства, в основе которого лежит особый характер связи с называемым объектом» [2, с. 21-22]. Так, метафора, основанная на принципе аналогии, способствует «формированию недостающих языку значений» [1, с. 163] (ср. лепешка (хлебобулочное изделие) и *лепёха* 'толстая женщина' [13, с. 363]), то есть «когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия», – пишет профессор А. Ричардс [12, с. 46].

Исходя из вышесказанного, использование метафоры для выявления семантических связей в этимологическом гнезде представляет собой особый подход в исследовании лексической системы языка, так как «до сих пор диахронические исследования посвящены прежде всего истории отдельных явлений, часто без достаточного внимания к их связи с системой в целом» [3, с. 5].

*Родственные связи слов этимологических гнезд индоевропейских корней *leip и *telp/talp*

При исследовании семантических связей слов индоевропейского корня *leip была выявлена особенность, которая заключается в том, что семантика ряда слов, отнесенных к этимологическому гнезду индоевропейского корня *telp/talp, удивительным образом совпадает с семантикой слов исследуемого нами гнезда.

Эти лексические единицы по своим значениям и причинам развития их семантики более близки, по нашему мнению, к индоевропейскому корню *leip, нежели к непроизводной основе, к которой они отнесены в настоящее время.

Так, русское слово *телепéнь* ‘язык колокола, дурак, пустомеля’, малороссийское *тэлепень* ‘язык колокола’, ‘удар ладонью’: Псковское и Осташковское, ср. *телéпнути*, *телéпати* (трясти, болтать) [18, с. 97-98].

Тельпéнь, род. *тельпениа*, и *тельпéшь* – ‘дородный ребенок’ [Там же, с. 76, 85].

Тилипни́, отсюда **тилипни́ть*, *тилипати́* (очень скоро есть, уплетать молча) [Там же, с. 98].

Телёпа – ‘о бестолковом человеке’ вологодское, ‘о несговорчивом, неуступчивом, непокладистом человеке’ новгородское, ‘последний возница во время возки навоза, над которым шутят’ [13, с. 349].

Теленя ‘неудачное пиво домашнего приготовления, неудачная брага’ [4, с. 627].

Белорусское *целяпень* ‘неуклюжий человек, тоусты, непаваротливы чалавек’ [15, с. 11].

Украинское *телепень* ‘то, что болтается, мотается’, *телепка* ‘глупый, пустой разговор’.

Украинское *тельбух*, *тельбухи* ‘внутренности брюшной полости’.

Тельбушок, *тельбухатий* ‘имеющий большой желудок и кишки’.

Глаголы *телепаться* ‘болтаться, мотаться’, *телепать* ‘месить, вязнуть’ (о грязи), *телепаться*, *тилипаться* ‘висеть, болтаться, мотаться’ [10, с. 322], украинское *телепати* ‘шлепать, жадно есть’ и т.д. [15, с. 12].

Приведенные выше слова академик В. Н. Топоров возводил к индоевропейскому корню *telp/*talp, с которым «связывалась идея заполнения определенного пространства, емкости, полноты, способности к расширению (возрастанию)...» [Там же, с. 13]. Обоснованием такого предположения, по его мнению, служила семантика глагола *телепать(ся)*, которая «объясняет принцип формирования значений в соответствующем имени следующим образом: ‘неупорядоченное, разнонаправленное движение’ – ‘нечто, отличающееся большими размерами и/или множественностью’». Он пишет, что «эти данные, несомненно, помогают установить самое существенное звено, которое позволяет связать хорошо известные индоевропейские факты с оставшимися до сих пор необъясненными восточно-славянскими словами (при том, что ряд деталей остается не вполне понятным)» [Там же].

Так, проведя глубокий семантический анализ слова *телепень*, академик В. Н. Топоров тем не менее заключает, что при всем указанном круге связанных с ним слов и контекстов оно по своим словообразовательным и фонетическим чертам остается не вполне прозрачным [Там же, с. 19].

Вероятно, причина такой неясности кроется во «взаимовлиянии этимологических гнезд (омонимичных гнезд), для которых оказывается достаточным даже неполное подобие – тождество консонантного состава исходных корней». Одним из примеров «взаимовлияния двух этимологических гнезд, базирующихся на формально-подобных (паронимичных) корнях, могут быть структурные и семантические отношения лексики славянских этимологических гнезд, восходящих к глаголам с корнями *vbr- ‘течь, бурлить’ и *ver-/*vbr- ‘связывать, поворачивать, совать, запирать’» [5, с. 61].

Как отмечает профессор Ж. Колева-Златева, «мощным» источником омонимии является звукоизобразительность, существующая в двух разновидностях – звукоподражание и звукоимитация (образоподражание) [8, с. 19-20].

Исходя из этого, приведенные выше слова, включенные в этимологическое гнездо индоевропейского корня *telp/talp, могут служить примером формального совпадения звукоизобразительных слов или корней, что наводит на определенные размышления.

Такое «формальное совпадение между звукоимитационными и звукоподражательными словами не редкое явление», – пишет профессор Ж. Колева-Златева. Как правило, данные слова не помечают в качестве омонимов, а объединяют в одну многозначную лексему и относят к одному и тому же этимологическому гнезду [Там же, с. 21] (ср. объединение слов *телёпа* ‘о бестолковом человеке’, *теленя* ‘неудачная брага’ и *толтиться*, *толпа*).

Она перечисляет ряд обоснований, по которым омонимичные слова относят к одному этимологическому гнезду. В рамках данного исследования для нас представляет интерес следующие обоснования: ‘движение в разные стороны; что-то болтающееся’ < ‘неоднородное’ < ‘распростертое’ < ‘множественность’ [Там же, с. 22]. Необходимо отметить, что именно подобное объяснение послужило основой для внесения перечисленных слов в этимологическое гнездо индоевропейского корня *telp/talp (ср. «Семантика глагола *телепать(ся)* объясняет принцип формирования значений в соответствующем имени: неупорядоченное, разнонаправленное движение’ – ‘нечто, отличающееся большими размерами и/или множественностью’» [15, с. 13]).

Мы же для объяснения семантики таких слов сопоставили их со словами, входящими в этимологическое гнездо индоевропейского корня *leip и предположили развитие их значений от этого индоевропейского корня.

Появление компонента *те-* в исследуемых словах, на наш взгляд, стало следствием частичной редупликации, относящейся к дивергентному типу. Доказательством чему может служить наречие *тяп-ляп*, в котором произошел упомянутый тип редупликации с изменением согласного звука в компоненте редупликанта.

Что касается этимологии слова *ляп*, которое несет в данном образовании семантическую нагрузку, то согласно Словарю русских народных говоров под ред. Ф. П. Филина оно употребляется по значению глагола *ляпнуть* – ‘ударить’, ‘сказать необдуманно’ (*Ляп, ляп языком, а толку ни на грош*. Смол.), ‘говорить пустяки, вздор’ и т.д. [13, с. 278].

Словарная статья в этимологическом словаре А. Г. Преображенского дает нам следующие этимологические сведения: *ляпать* – ‘ударять, хлопать, бросать, делать кое-как, грубо, без отделки’, мждм. *ляпъ! тьяпъ-ляпъ!* («*тьяпъ да ляпъ – вотъ и корабль*»). Отсюда знаменитая гоголевская фамилия «Тяпкин-Ляпкин» [11, с. 499].

В Этимологическом словаре М. Фасмера мы находим такие разъяснения: *ляп!* *ляпать*, *ляпаю*, укр. *ляпати* ‘шлепать, пачкать’, блр. *ляпаць* ‘стучать, говорить резко’ [17, с. 552].

В свою очередь, сами глаголы *ляпнуть*, *ляпать* относятся к праславянскому **lapati*, деривационный ряд которого восходит к индоевропейскому корню **lep* [19, с. 34], от которого сформировалось гнездо с разветвленной семантикой, включающей значение «обдирать» [Там же, с. 117]. Но значение «обдирать», ассоциирующееся с присутствием звука, могло возникнуть под влиянием значения «лепить», относящегося к индоевропейскому корню **leip*. Доказательством этой гипотезы являются примеры из славянских языков: «значения ‘бросать; шлепать, ударять’ могут быть производными от ‘лепить’. Надежным основанием для реконструкции праславянского **lepiti* являются формы лужицких языков в.-луж. *lepíc* ‘схватить’, н.-луж. *lepís* ‘схватывать, схватить с хитростью’. <...> Формы из других славянских языков присоединяются к ним на базе близости значений» [Там же, с. 130]. Еще одним подтверждением этой идеи служит пример из украинского языка: «...в семантике наиболее надежных в фонетическом отношении форм отражается сближение с гнездом **lepiti*, **lepiti*: см. укр. *льопати* ‘мазать’» [Там же, с. 116].

Что касается этимологического гнезда индоевропейского корня **leip*, то оно объединяет все слова со значениями «мазать, намазывать, организовывать, формировать, лепить». В рамках данного исследования нас интересуют семантические поля этого гнезда, в которые мы включаем перечисленные выше слова. Эти поля, образованные на основе семантики слов индоевропейского корня **leip*, условно обозначим «ЛЕПКА» и «ФОРМА».

Семантическое поле «ЛЕПКА»

В семантическое поле «ЛЕПКА» войдут слова со значением прилепления, которое ассоциируется со звуковым эффектом. Включение этих слов в данное семантическое поле связано со звукоподражательной семантикой, которая сформировалась у них под влиянием значения «лепить», относящегося к индоевропейскому корню **leip*.

Значение русск. диал. *телепéнь* ‘язык колокола’ можно сопоставить со следующими словами: *лепок* ‘обрывок веревки, которым бьют ленивых работников при общей работе. Сиб., 1854’ [13, с. 366; 19, с. 133]; *лэповка* ‘удар ладонью, шлепок’, ‘трещотка (*Сторож забил в лэповку*)’ [13, с. 366]. Или же *телепень* в значении ‘дурак, пустомеля’ со словами *лепестька* ‘глупая, дура’ [13, с. 361; 19, с. 123], то есть женщина, которая говорит ерунду и глупости; *лепуша* ‘бесхитростный, простодушно разговорчивый человек’ [19, с. 132].

Русское диалектное *телепня* ‘неудачное пиво домашнего приготовления, неудачная брага’ явно соответствует русскому диалектному *лэпать*, *-аю* ‘взбалтывать что-либо жидкое разбрызгивая’, ‘делать что-либо кое-как, наспех, плохо’ [Там же, с. 116]; *лэпать* ‘плохо что-нибудь сделать, сработать’ [Там же] (то есть сделать тьяп-ляп).

Как *телепня*, одна вода у их вышла; это неудача пиво, оно не устаивается; или брага делается неудобница, вот и телепня [4, с. 627].

В подгруппу слов, ассоциирующихся со звукоподражанием, нами также было включено слово *телёпа* ‘последний возница во время возки навоза, над которым шутят’. Как пишет профессор М. М. Громыко, «в Вельском уезде Смоленской губернии навоз вывозили всегда толокой, охватывавшей всю деревню, то есть поочередными помочами. Последний воз назывался “поскребышем”, а возница его “телепою” (телепнем). В адрес этого возницы участники помочи отпускали соленые шутки; телепа должен был “украсть” во время обеда кашу, которая непременно варилась на каждой толоке. Толпа ребятишек бросалась ловить телепня – вора; убегая, он старался попасть в хлев, из которого вывозили навоз на данной толоке. “Там при общем смехе вся толпа наперерыв подхватывает кашу, а горшок разбивают”» [7, с. 79]. Исходя из вышесказанного, значение ‘последний возница во время возки навоза, над которым шутят’ можно истолковать из той роли, которую он играл в помочах, а именно олицетворял ‘бестолкового человека’, над которым смеются. Во-вторых, его роль заключалась в краже каши и попытке убежать от ребятишек, пытавшихся его поймать, что явно отсылает нас к значению украинского выражения ‘дати лепетухи’, то есть ‘убежать, удрать’ (*Баба дождала ночі і дала лепетухи до пана*) [14, с. 355] и т.д.

Сюда же мы отнесли глаголы, значения которых явно имеют звукоподражательное происхождение: *телепаться* ‘болтаться, мотаться’, *телепать* ‘месить, вязнуть’ (о грязи) (интересно, отметить, что этот глагол также передает идею намазывания, что, вероятно, повлияло на формирование значения украинского существительного *зателена* ‘неряха’ [Там же, с. 105]), *телепаться*, *телипаться* ‘висеть, болтаться, мотаться’, украинское *телепати* ‘шлепать, жадно есть’, старочешское *leptati* ‘грызть, кусать, есть, пробовать’ [19, с. 125], македонское *лепети се* ‘трепыхаться, биться, развеваться’, сербохорватское *lepetiti*, *lepetim* ‘махать крыльями’ [Там же, с. 127], верхнелужицкое *leptać* ‘хлебать, лакать’, нижнелужицкое *leptaś* ‘лизать, хлебать’ [Там же, с. 126] и т.д.

Все перечисленные выше примеры исследуемых слов показывают наличие между ними не только семантических связей, выявленных через концептуальную метафору «ЗВУКОВОЙ ЭФФЕКТ», но и наличие корневого родства – компонент *те-*, появившийся, на наш взгляд, вследствие частичной редупликации, относящейся к дивергентному типу + корень *леп*.

Семантическое поле «ФОРМА»

В семантическое поле под условным обозначением «ФОРМА» мы включили все слова, значения которых выражаются через метафору «ПЫШНАЯ ФОРМА». При этом важно отметить особенность данного поля, которая заключается в том, что значения входящих в него слов хотя и выражены через упомянутую нами метафору, тем не менее источники происхождения этой метафоры разные.

Первый источник связан с понятием лепешки, то есть семантика слов, относящихся к этому понятию, определяется концептуальными отношениями: КРУГЛАЯ ПЫШНАЯ ЛЕПЕШКА → ПОЛНАЯ ЖЕНЩИНА / ПОЛНЫЙ МУЖЧИНА. Например, русское диалектное *лепёш* 'толстяк' [13, с. 363], белорусское *лытэха* 'некрасивая девушка с очень широким лицом и носом' [9, с. 45], русское диалектное *лѣпа* 'толстая неповоротливая женщина' [13, с. 358] и т.д.

Второй источник относится к понятию полного чрева. Семантику слов, определяемую этим понятием, можно выразить через концептуальные отношения, имеющие следующий вид: 'ПОЛНЫЙ ЖИВОТ, НАПОМИНАЮЩИЙ ЖИВОТ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ' – 'ПУЗАТЫЙ ЧЕЛОВЕК / ТОЛСТЯК'.

Следовательно, есть основание связать русское *тельпёнь*, *тельпёшь* 'дородный ребенок', русское *толпега* 'толстая женщина', украинское *тельбух*, *тельбухи* 'внутренности брюшной полости', *тел'бух* 'пузатый человек', белорусское *целяпень* 'неуклюжий человек, тоусты, непаваротлівы чалавек' и др. с греческим «*lapare*» – живот (пах, брюхо, брюшная полость), 'печень / брюшная полость / тело' в германских языках (английское *liver*, немецкое *die Leber*, западно-фризское *liif* 'живот, брюшная полость', голландское *lijf* 'тело' и т.д.).

В связи с этим представляет интерес замечание профессора Т. И. Вендиной, которая пишет, что «представление о жизни в ее биологическом проявлении ярче всего реализуется в значении 'беременность', которое развивает лексема *живот*. Владимирское: *Надо Бога благодарить, что он по живот посылает, а он еще ругается, что жена часто родит*. Архангельское: *От животов и от тяжестей жилья напряглись; Осип в четвертый живот родился*» [6, с. 9].

Поэтому можно предположить, что непроемкой основой для русского *тельпёнь*, *тельпёшь* 'дородный ребенок', украинского *тельбух*, *тельбухи* 'внутренности брюшной полости', *тел'бух* 'пузатый человек', белорусского *целяпень* 'неуклюжий человек, тоусты, непаваротлівы чалавек' и т.д. служит индоевропейский корень **leip*, а не корень **telp/talp*, как предполагалось ранее.

Таким образом, причиной ошибочного отнесения этих слов к этимологическому гнезду корня **telp/talp*, на наш взгляд, послужил фактор омонимии. Как пишет академик О. Н. Трубачев, «важнейшими понятиями лексической семантики и семантической эволюции» является омонимия. «Как известно, триумф этимологического исследования – в умелом решении задач на омонимы» [16, с. 134].

Выводы

Исследование семантических связей слов этимологического гнезда показывает необходимость совершенствования применяемых методов для получения более полных и достоверных результатов. Важное значение в этих исследованиях имеет изучение концептуальных отношений между предметами и абстрактными понятиями, выраженных в форме метафоры.

Проведенное исследование с применением концептуальной метафоры позволило выявить, что ряд слов, включенных в этимологическое гнездо индоевропейского корня **telp/talp*, имеют более тесные семантические связи со словами этимологического гнезда индоевропейского корня **leip*. В связи с этим целесообразно включить исследуемые в статье слова, отнесенные к гнезду этимологического гнезда индоевропейского корня **telp/talp*, в этимологическое гнездо индоевропейского корня **leip*, что, по нашему мнению, обеспечит более полное раскрытие лексических значений этих слов.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика / отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1979. С. 147-173.
2. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI-XXI вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак, 2014. 632 с.
3. Бараникова Л. И. О соотношении системного и диахронического подходов к языку (к истории вопроса) // Язык и общество. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. Вып. 11. С. 3-6.
4. Беляева О. П. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь: Пермский гос. пед. ин-т, 1973. 706 с.
5. Варбот Ж. Ж. Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1995. № 4. С. 60-65.
6. Вендина Т. И. Базовые категории русской традиционной культуры (жизнь и смерть) // Категории жизни и смерти в славянской культуре: сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 6-24.
7. Громько М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 445 с.
8. Колева-Златева Ж. О смешивании этимологических гнезд омонимичных слов звукоизобразительного происхождения // Slavica XXXVIII. Debrecen, 2009. С. 19-34.
9. Лексика Полесья: материалы для полесского диалектного словаря / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1968. 478 с.
10. Миртов А. В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. Вып. VI. 415 с.
11. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. Т. 1. 716 с.
12. Ричардс А. А. Философия риторики // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 44-67.
13. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1980. Вып. XVI. 376 с.
14. Словарь української мови: в 4-х т. / упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К.: Вид-во Академії наук Української РСР, 1958. Т. 2. 573 с.

15. **Топоров В. Н.** К объяснению нескольких славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов / отв. ред. Г. П. Клепикова. М.: Наука, 1975. С. 3-49.
16. **Трубачев О. Н.** Труды по этимологии. Слово. История. Культура: в 4-х т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 800 с.
17. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
18. **Шахматов А. А.** К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. 216 с.
19. **Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд** / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. Вып. XIV. 270 с.

ON SEMANTIC RELATIONS BETWEEN THE WORDS OF ETYMOLOGICAL CLUSTERS OF INDO-EUROPEAN ROOTS *LEIP AND *TELP/TALP

Galochkina Tat'yana Anatol'evna

*I. M. Sechenov First Moscow State Medical University
tgalochkina27@gmail.com*

The article discovers the specificity of semantic relations between the words of etymological clusters of Indo-European roots *leip and *telp/talp. The author identifies the affinity of some words of the root *telp/talp cluster and the root *leip cluster. The researcher used conceptual metaphors when studying semantic relations between the words of the mentioned clusters. Their usage allowed the author to justify the necessity to include some words of the root *telp/talp etymological cluster into the semantic fields of the root *leip etymological cluster.

Key words and phrases: conceptual metaphor; etymological cluster; affinity of words; semantic field; reduplication; homonymy.

УДК 398

Организация референциального плана фольклорного текста во многом объясняется его жанровой спецификой. В мифологических рассказах особенности актуализации персонажей в тексте обусловлены наличием двух диаметрально противоположных полюсов объективной и мифологической реальностей. Высокая степень определенности персонажа-человека контрастирует с предельно низкой степенью референции сверхъестественных сил. Контрастное предствление персонажей мифологического рассказа в тексте обусловлено прагматикой жанра и выражает стремление рассказчика достичь эффекта достоверности изображения встречи с представителями мифической реальности.

Ключевые слова и фразы: референция; мифологический рассказ; персонаж; имя собственное; термины родства; степень определенности референта.

Голованева Татьяна Александровна, к. филол. н.

*Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
gta-77@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ

Любой фольклорный текст можно исследовать в трех аспектах. Во-первых, прослеживая этнографические параллели, соответствующие данному тексту, во-вторых, отмечая весь комплекс составляющих элементов композиционной структуры и образной системы, в-третьих, изучая лингвистические закономерности построения фольклорного текста. Язык фольклорного произведения отражает не только образные особенности народной речи, устойчивые вербальные формулы, но и специфику преломления действительности в тексте. В этой связи обратимся к особенностям моделирования референциального плана фольклорного текста, а именно – мифологического рассказа.

Референтные свойства текста позволяют говорить о соотношенности высказывания и действительности. Исследования в области теории детской речи позволили предположить, что человеческая речь в эпоху своего становления обладала максимально высокой степенью референции. В начале формирования детской речи однословное высказывание всегда представляет собой часть ситуации, «таким образом, однословное высказывание всегда референтно» [1, с. 22]. Возникнув как максимально референтная, в процессе развития речь приобретает способность не только отражать объективную действительность, но и моделировать иную, альтернативную реальность.

В фольклорном тексте, как и в литературном, создается особая, вымышленная реальность. Однако эта вымышленная реальность может позиционироваться рассказчиком как абсолютно объективная, достоверная. Установка говорящего на достоверность изображения – характерная черта мифологических рассказов. Прагматика мифологического рассказа влечет за собой выбор таких языковых средств, которые позволяют рассказчику приблизить слушателей к «проживанию» невероятной ситуации встречи со сверхъестественными силами. Моделирование текста мифологического рассказа ориентировано на создание чувственных переживаний. При этом наблюдается следующая закономерность: чем достовернее детали изображения, тем реалистичней будет